

V.V. Pavlov (Moscow)

EVOLUTION OF THE INTERNATIONAL PACIFIST MOVEMENT IN THE XIX – BEGINNING XX

Abstract. Frequent military conflicts in the 18th century were harshly criticized, but movements that set their main goal of rejection of war began to take shape only in the 19th century. The pacifist movement was neither stable nor uniform. Throughout the 19th century, it either experienced an upsurge or fell into decay with the beginning of the next major military conflict. Nevertheless, pacifism had a significant impact on public thought in the 19th century and contributed to the introduction of the need to resolve conflicts between states through diplomatic means on the international arena.

Keywords: *pacifist movement, Peace congresses, socio-political thought, international relations.*

УДК 94(571)

Е.В. Почеревин (Бийск)

СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В начале XX века в Сибири происходили процессы модернизации, развивались рыночные отношения. Автор показывает формы крестьянского участия в этих процессах. Рассмотрена динамика торговли и промысловых занятий в крестьянской среде. Указаны «индикаторы» внедрения новых социально-экономических отношений в крестьянскую повседневность.

Ключевые слова: *Сибирь, начало XX века, крестьянство, модернизация социально-экономических отношений, торговля, промыслы.*

Начало XX века в Сибири отмечено существенным ростом товарного производства сельскохозяйственной продукции. По некоторым данным, к 1905 году число товаропроизводящих хозяйств за Уралом было заметно выше, чем в среднем по России [2, С. 119].

Модернизация социально-экономических отношений проявлялась и в расширении контингента крестьян, занимающихся промыслами. Эти занятия теснее связывали крестьянина с рынком. При больших трактах, особенно до постройки Сибирской железной дороги, процветал извозный промысел и содержание постоянных дворов. Но, даже в местах, отдалённых от значительных транспортных путей, промыслы имели заметное развитие. Так, в 1898 году в Бийской волости одноименного уезда Томской губернии 53% хозяйств имели промысловые заработки, а для 22,5% крестьян, промысел являлся основным занятием. Причем большинство 85% крестьян-промысловиков трудились не на стороне, а дома [13, С. 65]. В данном случае, стационарность промысловых занятий, может указывать на их развитость и стабильность.

Отмечен случай, когда всё население деревни занималось промыслами. В документах Томского губернского управления за 1907 год имеется предписание «исключить деревню Глазково Бочатской волости Кузнецкого уезда из оклада, так как переселенцы, живущие там, все разошлись по промыслам» [10, Л. 34].

Одним из примеров массового участия крестьян в неземледельческом труде, является работа их на строительстве железных дорог. Как отмечает П. С. Коновалов, при строительстве Алтайской железной дороги (1913–1915 годы), самым многочисленным контингентом ее создателей были переселенцы и окрестные крестьяне [11, С. 97]. Хотя эти заработки не были для крестьян регулярными, тем не менее, это отвлекало крестьян от земледельческих работ.

Бурно развивающимся промыслом, приносящим наибольший доход, являлось маслоделие. В 1900 году из Сибири было вывезено более 1 млн. пудов, в 1905 году – более 2 млн. пудов, а в 1916 году уже более 6 млн. пудов масла. Основными поставщиками были хозяйства, имевшие более шести коров, они давали до 70% масла [2, С. 172]. В Томской губернии в начале XX века из 2042 маслобойных производств, 1424 или 69% находилось в частном владении [2, С. 173]. Крестьяне тоже участвовали в процессе становления маслодельного производства, в основном, на артельных началах. Количество артелей в Сибири увеличилось с восьми в 1899 году до 2000 в 1905 году [2, С. 138-139].

Уже в конце XIX века заметен бурный рост торговой активности, в том числе и среди крестьянства. На это указывают статистические сведения. В Алтайском округе в период с 1879 года по 1887 год, количество выданных свидетельств и билетов на право ведения ярмарочной, развозной и другой мелкой торговли, увеличилось в 2,3 раза [3, С. 65–76, 127.].

Предприниматели Сибири создали довольно плотную торговую сеть. Вследствие сравнительно небольшой численности населения, плотность торговой сети была несколько выше среднероссийских показателей. Если в среднем по России на одно торговое заведение приходилось 154 человек, то в Сибири – 149 человек [3, С. 65–76, 127.]. Сельская мануфактурная торговля в Алтайском округе Томской губернии, развивалась особенно бурно. Статистические сведения за 1887 год, показывают, что в среднем по округу одна лавка приходилась на 2,4 села. Причем наиболее охваченной торговыми лавками была Кузнецкая, наиболее промышленно насыщенная волость [1, С. 131]. Если, в конце 80-х годов XIX века одна мануфактурная лавка приходилась примерно на три села, в 90-е годы здесь ежегодно открывалось 10-15 заведений, и вскоре на одно селение приходилось 1-2 лавочек [3, С. 73].

В 1894 году в Бийском уезде крестьяне составляли 42% (51 чел.) от всего количества мелких торговцев мануфактурой. Даже в самом г. Бийске 25% всех торгово-промышленных заведений принадлежало крестьянам [3, С. 69]. После строительства Сибирской железной дороги, наблюдалась дальнейшая децентрализация торговли, падение роста крупных оптовых фирм, быстрый рост мелкой сельской торговли.

В с. Верх-Ануйское Смоленской волости Бийского уезда по данным податного инспектора, в 1901 году 40 человек занимались разносной торговлей серпами, литовками и другим «железным» товаром. Из них, 30 были крестьянами, остальные – отставные рядовые и унтер-офицеры [6, Л. 19-30]. Верх-ануйские торговцы реализовывали свой товар в Бийском, Змеиногорском, Барнаульском уездах. Товар закупался в основном у местных крестьян, ставших уже крупными торговцами. Средний годовой оборот мелких торговцев составлял 411 руб. (от 300 до 1000 руб.). Кроме этого, еще семь крестьян держали стационарные мануфактурные или мелочные лавки [подсчитано по 7, Л. 1-20]. Всего на 1901 году в селе насчитывалось 2122 души мужского пола [7, Л. 20], то есть торговлей занималось 2,2 % мужского населения.

Большую роль в развитии крестьянской торговли, играли ярмарки. Число поданных прошений со стороны сельских обществ об учреждении ярмарок в Сибири, постоянно увеличивалось. Если в 1910 году в Томской губернии действовало 434 ярмарки, то в 1912 году уже 563 ярмарки [16, С. 93]. Ярмарочная торговля была «сферой интересов» новой социальной группы – торгующего крестьянства. Они имели определённые льготы при работе на ярмарках. В частности, им не нужно было брать свидетельства на право торговли, и это склоняло некоторых селян к проведению разовых торговых операций.

По данным переписи 1916 году в Томской губернии, так называемая, сельская буржуазия, составляла 125,3 тыс. чел. или 18,4% от всего крестьянства [14, С. 109].

Можно указать на своеобразные «индикаторы» внедрения денежного обращения в повседневную жизнь сибирских крестьян.

Из архивных документов видно, что появляются ходатайства сельских обществ о замене хлебозапасных магазинов, «продовольственным капиталом», денежным взносом [10, Л. 56, 69]. Томское губернское управление, как правило, удовлетворяло просьбы тех селений, где были развиты промыслы. Так, за 1911 год было рассмотрено 31 ходатайство сельских обществ Змеиногорского уезда о замене натуральных, «хлебных взносов» в хлебозапасные магазины «денежной повинностью». Всего в четырех случаях было отказано [подсчитано по 9].

В сентябре 1911 года председатель съезда крестьянских начальников Бийского уезда, предложил повсеместно заменить продовольственный взнос хлебом на денежный взнос. Присутствием Томского губернского управления был направлен запрос об этом в министерство внутренних дел [9, Л. 82]. Но Петербург отказал в данной просьбе, разъяснив, что «Томская губерния слабо обслуживается рельсовыми путями, особенно, Бийский уезд, посему, решительное предпочтение должно быть отдано образованию хлебозапасных магазинов» [9, Л. 338]. Как видно, общее развитие финансовых отношений толкало не только крестьянские сообщества, но и местную администрацию создавать денежные страховые фонды.

Ещё одним «индикатором» является стремление включить неземледельческий доход крестьян в местные раскладки «повинностей». В 1914 году крестьянский начальник первого участка Бийского уезда, обращаясь к волостным старшинам и сельским старостам, предлагал пересмотреть принципы сбора подати. Он просил принять за основание расклада не

только скот и землю, но и молоко, сдаваемое на заводы, сельхозмашины, молотилки, сортировки, мельницы, заводы «и вообще занятия, дающие несомненный и верный доход» [4, Л. 104]. Тем самым, признавался тот факт, что неземледельческие доходы населения настолько широко развиты, что становится необходимым учитывать их при корректировке налогообложения. Показательно, что и сами крестьяне, в изменяющейся ситуации, осознавая несправедливость существующей податной системы, требовали заменить её подоходным налогом [15, С. 253]. Они хотели, чтобы подать выплачивалась не всеми крестьянами в одинаковом объеме, а дифференцировалась с учетом дополнительных заработков. Видимо, не последнюю роль в этом играло и то, что община не всегда справлялась с задачей справедливого разложения податей в своей среде.

Формировался тип сельского предпринимателя – крестьянина по происхождению, иногда и по сословию, торговца – по роду занятия. Мы видим численный рост крестьян, занятых в той или иной степени некрестьянским трудом, следовательно, они составляли некий пограничный социальный слой – носитель иного, отличного от традиционного крестьянского менталитета.

Сам факт наличия в селе торговых «предприятий» влиял на экономическое состояние крестьянства. Волей-неволей, сельский житель втягивался в рыночные отношения. Расширялся его кругозор, ранее скованный рамками близлежащих сел. Крестьянин знакомился с новшествами, пусть даже, на бытовом уровне. Все это, так или иначе, сказывалось на общем представлении его об окружающем мире, изменяло ментальные установки. Исследователь Т.С. Мамсик отмечает, что не только экономика сибирской деревни, но и быт сибирских земледельцев имел некоторые некрестьянские черты, отражающие его зависимость от денег, от рынка. Например, сибиряк не знал лаптей, он повседневно носил кожаную обувь, в праздники одевался

в наряды из импортных тканей, использовал покупную посуду и утварь [12, С. 310]. Об употреблении в быту несвойственных крестьянину предметов, красноречиво рассказывают и архивные документы. В мае 1912 года крестьянин из Тулинской волости Барнаульского уезда «утратил» пальто, об особых приметах которого он сообщил, что в кармане была коробка граммофонных игл и пружина [8, Л. 110].

Таким образом, можно увидеть, что в начале XX века в Сибири развивались товарно-денежные отношения, и крестьянство активно втягивалось в этот процесс. Промысловые занятия стали одной из форм этого участия. Среди прочих, маслоделие оказалось самым высокодоходным промыслом. Кроме того, участие крестьян в разносной, ярмарочной и стационарной торговле было весьма заметным. Всё это постепенно трансформировало представления сельского населения о социальных и экономических отношениях. Крестьяне понимали значение денег, стремились учесть неземледельческие доходы в налогообложении.

Библиография

1. Алтай: историко-статистический сборник экономического и гражданского развития Алтайского горного округа /под ред. П.А. Голубева. – Томск: типолитография Михайлова и Макушина, 1890. – 436 с.
2. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири, 1900–1928. – Новосибирск: Наука, 1996. – 320 с.
3. Гальских Е. В. Предпринимательство в текстильной торговле на Алтае (вторая половина XIX в.) // Предпринимательство на Алтае XVIII в. - 1920-е гг. – Барнаул: День, – 1993. – С. 65-76.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 184. Оп. 1. Д. 140. Л. 104.
5. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 58.
6. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 65.
7. ГААК. Ф. 192. Оп. 1. Д. 72.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 78. Оп. 1. Д. 209.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 44. Д. 4017.

10. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 781.
11. Коновалов П. С. Рабочая сила на строительстве Алтайской железной дороги (1913–1915 гг.) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири, XVIII–XX вв. Томск, 1994. – С. 96-106.
12. Мамсик Т. С. Социальный фактор в этнокультурном развитии русских старожилов Сибири (агрохозяйственный комплекс начала XIX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы междунар. симпозиума. В 2-х тт., Т. 2. – Новосибирск, 1998. – С. 308-318.
13. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (округе) / стат. отд. при гл. упр. Алтайского округа. Вып. 3: Бийская волость. – Барнаул: Типо-литогр. при Главном Управлении Алтайского округа, 1900. – 268 с.
14. Население Западной Сибири в XX в. /отв. ред. Н. Я. Гущин, В. А. Исупов. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд. Рос. акад. наук, 1997. – 196 с.
15. Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861 - 1899 гг.). – Томск: Изд-во Томского гос. у-та, 1979. – 277 с.
16. Щеглова Т. К. Влияние политики кабинета на развитие ярмарочной торговли в XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: материалы науч. конф. – Барнаул, 1998. – С. 88-94.

E.V. Pocherevin (Biysk)

SIBERIAN PEASANTRY AND MODERNIZATION OF SOCIO-ECONOMIC RELATIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. At the beginning of the XX century, modernization processes took place in Siberia, market relations developed. The author shows the forms of peasant participation in these processes. The dynamics of trade and commercial occupations in the peasant environment is considered. The "indicators" of the introduction of new socio-economic relations into peasant everyday life are indicated.

Keywords: *Siberia, the beginning of the XX century, peasantry, modernization of socio-economic relations, trade, crafts.*